

Светлана Файзрахманова

Зоя

Светлана Файзрахманова

Зоя

<https://litres.ru/73568917>

SelfPub; 2026

Аннотация

После внезапной смерти матери Зоя остаётся один на один с пустотой, которая кричит из каждого угла родной квартиры. Бежевое пальто, купленное в последний совместный поход, и родной запах маминых духов — всё это теперь лишь болезненные напоминания о том, что мамы больше нет. Но горе — это только начало пути.

Сороковой день после похорон обнажает истинные лица близких: у каждого свои расчёты, свои обиды, свои тайные мысли о наследстве.

Содержание

1	4
2	12
3	16
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Светлана Файзрахманова

Зоя

1

Зоя стояла посреди комнаты, оглядывая бардак. Слез больше не было – они высохли, оставив на щеках стянутую, саднящую корку. Шкаф был распахнут, как гигантская, незаживающая рана. Из его чрева вываливались платья, кофты, юбки – цветные лоскуты родной, оборвавшейся жизни.

Воздух пах маминой «Шалуньей», чем-то неуловимо домашним и теплым, что теперь утекало сквозь пальцы, исчезало навсегда. Зоя жадно втянула носом этот воздух, пытаюсь удержать его в легких, законсервировать в себе.

Пальцы коснулись оливкового платья. Мелкий цветочек рябил в глазах. Последний юбилей. Семьдесят пять. Ресторан «Россия», звон бокалов, веселая музыка и мама... Мама, танцующая с зятем. Живая. Родная. Смеющаяся. Зоя тогда снимала видео. Этот проклятый телефон теперь лежал в ящике стола, черный и немой, как надгробие. Она боялась к нему прикоснуться. Боялась нажать «Play» и увидеть при-

зрака. Слёзы, казалось, иссякшие, хлынули снова, горячим, удушливым потоком.

Зоя схватила какую-то кофту, зарылась в неё лицом, ища спасения, но отшатнулась. Запах исчез. Осталась только старость и тошнотворный дух нафталина. Вещи умирали вслед за хозяйкой.

На комод, как немые судьи, стояли фотографии. Зоя с косичками – совсем девочка. Мама и Зоя в Сочи – загорелые. Каждая вещь в этой комнате кричала: «Её нет! Нет!».

Рука сама потянулась к пальто. Бежевое. Драповое. Тяжелое.

Господи, как они спорили тогда...

– Давай яркое выберем, мам! Красное! Или изумрудное!
Ну что ты как старуха!

– Я и есть старуха, Зойка. Бежевое – универсальное.

Зоя тогда дулась всю дорогу. А теперь она гладила этот мягкий, послушный драп и выла от боли. Она ненавидела себя ту, прошлую. Эгоистичную дуру, которая не понимала, что «универсально» – это значит «навсегда». Пальто висело

почти новое. Мама берегла его. Для кого? Для чего? Для этой вот темноты?

Звонок в дверь разрезал тишину. Зоя вздрогнула всем телом, размазала слезы кулаком и поплелась открывать.

На пороге стояла тётя Люда. В глазах невыносимое выражение, смесь жалости и испуга, с которым смотрят на калек.

– Зойка... родная...

– Заходи, – выдохнула Зоя, отворачиваясь.

Люда вошла, увидела развернутый шкаф, горы одежды на полу и Зою, дрожащую, как натянутая струна.

– Разбираешь? —спросила она.

– Да! Не могу больше! Открываю шкаф – и она здесь! Стоит спиной! Я жду, что обернется, а там пустота!

Люда шагнула к ней, обняла, прижала к себе. Они опустились на пол, прямо в ворох одежды, как на дно лодки посреди океана. Зоя вцепилась в бежевое пальто.

– Мы выбирали его вместе... Я тогда так злилась...

– Красивое, – Люда погладила рукав, и её рука дрогнула.
– Качественное. Маме шло.

– Выбросить? – спросила Зоя шепотом. Слово царапнуло горло.

Люда помолчала, подбирая слова.

– Зачем выбросить? Вещи хорошие. Отдай. Вон, Нине Петровне, соседке. Ей подойдет.

Зоя вскинула голову, глаза расширились от ужаса.

– Отдать?! Нине Петровне?! Чтобы я смотрела в окно и видела, как эта чужая женщина ходит в мамином пальто?! Чтобы мне казалось, что мама идет домой, а это не она?! Нет! Никогда! Я сойду с ума!

Истерика подступила к горлу, перекрывая кислород.

Люда взяла её за лицо, заставила посмотреть в глаза.

– А если выбросишь на помойку – болеть перестанет? Ты думаешь, если тряпки сгниют на свалке, ты забудешь тот спор в магазине? Пальто здесь или там – разве это изменит

что-то?

Зоя замерла обдумывая безжалостную правду. Пальто не виновато. Вещи не виноваты.

– Я... – она задохнулась, не находя слов.

– Чай, – скомандовала Люда. – Идем пить чай. И будем разбирать. Спокойно. Иначе ты себя сожжешь.

Кухня, звон ложечки о фарфор, пар над чашкой – всё это казалось сюрреалистичным на фоне той бури, что бушевала в душе. Вернулись. Сели. Две женщины среди руин памяти.

– Это платье... – Зоя взяла синее в горошек. Голос дрожал, но уже тише. – Наша с Сашей свадьба...

– Помню, – улыбнулась Люда.

– А этот костюм... – серый, колючий. – «Мне надо выглядеть солидно, Зоя».

Люда аккуратно сложила его.

– В благотворительность. Пусть кому-то поможет найти работу. Мама бы одобрила. Она любила помогать.

Зоя кивнула. В груди что-то сдвинулось. Вещи – это просто вещи. Память – это не ткань.

– А блузка... – Люда достала небесно-голубой шелк. – Питер. Помнишь? Мы купили её на Невском. Она надела и... господи, как она ей шла. Я ее сфотографировала. Смотри.

Экран телефона засветился. Аничков мост. Ветер развевающий волосы. Мама улыбается так светло, так безмятежно.

Зоя смотрела на фото, и слезы снова потекли, но теперь они не жгли щеки.

– Оставь себе, – прошептала Зоя. – Носи. Пусть она будет с тобой.

Разбирали долго. Сортировали жизнь по стопкам: «память», «помощь», «мусор».

Бежевое пальто так и осталось лежать у Зои на коленях. Она не выпускала его ни на секунду.

– Знаешь... – сказала она, когда сумерки начали сгущаться. – Я оставлю его. Повешу в шкаф. Буду надевать. Может

быть, когда-нибудь оно станет просто пальто.

Она прижала драп к лицу.

– Она гордилась бы тобой, — сказала Люда, вытирая глаза.
– Ты сильная, Зойка.

– Я не сильная, – покачала головой Зоя. – Я просто люблю её.

Люда ушла. Комната опустела. Призраки ушли, осталась только тихая печаль.

Зоя подошла к окну. Вечерний город зажигал огни, равнодушный к чужому горю.

Дрожащими руками она накинула пальто. Оно было велико – мама была полнее. Пальто обняло её, окутало, спрятало от всего мира.

Тепло. Невыносимо, до боли тепло.

Зоя закрыла глаза и провалилась в это ощущение.

Они идут по улице. Снег скрипит.

«Мам, ну зачем бежевое?»

«Классика, дочка».

Зоя обняла себя за плечи, сжимая ткань.

– Мама... – прошептала она в пустоту. – Мамочка...

Она стояла в темноте, в мамином пальто, и ей казалось, что если очень сильно захотеть, если замереть и не дышать, то можно почувствовать, как рядом бьется родное сердце.

2

Сороковой день. Рубикон, за которым душа окончательно отрывается от земного притяжения и уходит туда, где нет ни боли, ни памяти.

За столом сидели четверо. Звон ложек о края тарелок казался оглушительным, кощунственным в этой ватной тишине.

Они ели, опустив головы, каждый запертый в своей собственной, отдельной тишине, непроницаемой для других.

Зоя механически подносила ложку ко рту, не чувствуя вкуса. Рис с изюмом казался безвкусным. Сорок дней. Сорок утр, когда рука тянулась к телефону, чтобы набрать привычный номер, и замирала, обожженная реальностью. Ей казалось, что пуповина, связывавшая их, не была перерезана в роддоме сорок лет назад, а рвалась только сейчас – медленно, по живому, вытягивая жилы. Прямо сейчас, пока они жуют этот пресный рис, она поднимается всё выше, растворяется в небе, оставляя Зою одну на ледяном ветру взрослой жизни. Сиротство навалилось на плечи бетонной плитой. Как жить дальше, если никто больше не назовет тебя «Зойкой»?

Если ты теперь – старшая? Эта мысль вызывала панический, детский ужас, который приходилось заедать вязким киселем.

Напротив Зои, прямой и строгий, сидел Александр. Он скорбно хмурил брови, стараясь соответствовать моменту, но мысли его текли по другому руслу, практическому и земному. Он смотрел на осунувшееся лицо жены и чувствовал укол жалости, но за этой жалостью уже проступал расчет. Квартира теперь, по закону, переходит Зое. Хорошая квартира, хоть и требует ремонта. Но главное – вклад. Он знал, что теща копила «гробовые» и «на черный день». Сумма там должна быть приличная. В голове сама собой всплывала картинка: серебристый кроссовер, который он присмотрел в салоне на прошлой неделе. Их старая машина уже дышала на ладан, ремонт съедал всё больше. Если аккуратно подвести Зою к разговору... не сейчас, конечно, через месяц... можно было бы закрыть вопрос. Он чувствовал себя немного виноватым за эти мысли, но успокаивал себя тем, что жизнь продолжается. Живым нужно живое. Теще деньги уже не нужны, а им с Зоей еще детей поднимать, ездить на дачу. Новая машина – это безопасность. Зоя поймет. Должна понять.

Рядом с Александром, тяжело дыша, сидела тетя Люда. Она смотрела на пустой стул во главе стола и мысленно крестилась, благодаря Бога за его суровую милость. Она знала, что такое инсульт у грузных женщин. Она видела это у све-

крови: годы лежания, пролежни, запах мочи, стоны, ненависть в глазах ухаживающих детей. Сестра была женщиной крупной, тяжелой. Если бы ее парализовало, если бы она осталась овощем... Люда перевела взгляд на тонкие, прозрачные руки Зои. Девочка бы надорвалась. Она бы вычеркнула из своей жизни годы, ворочая неподъемное тело, меняя памперсы, сходя с ума от безысходности. А Саша? Мужики такого не выдерживают. Господь уберег. Прибрал быстро, почти мгновенно. Это лучший подарок, который сестра могла сделать дочери напоследок – умереть на своих ногах, не став обузой. «Спасибо Тебе, Господи, – думала Люда, отправляя в рот ложку кутьи. – Отмучилась сама и других не замучила. Царствие Небесное».

Нина Петровна, сидевшая с краю, цепким взглядом сканировала стол. Блины – вкусные, пропеченные. Кисель густой, как положено. Кутью Зойка освятила, молодец, не забыла, хоть и молодая. Всё по-людски, не стыдно перед людьми. Она видела, как пару дней назад Зоя с Людой выносили мешки на помойку. Сердце тогда сжалось – сколько добра пропадает! Тряпки, посуда... Но пальто... Нина Петровна скосила глаза в коридор. Дверь в комнату была приоткрыта, и оттуда, с вешалки, виднелся край бежевого драпа. Не выкинула. Висит. Зачем оно ей? Зойка молодая, худая, ей фасон этот – как корове седло. А пальто добротное, почти новое. И цвет освежает, и пуговицы солидные. Грех та-

кой вещи в шкафу пылиться, моль кормить. Надо бы подгадать момент, когда Зойка отойдет, успокоится, и аккуратно намекнуть. По-соседски. Мол, память о маме будет. Может, и отдаст. Куда ей деваться-то?

Свеча перед портретом с черной лентой догорала, оплывавая восковыми слезами. Четыре человека сидели за одним столом, объединенные одним горем, но бесконечно далекие друг от друга в своих мыслях. А в прихожей, немим свидетелем, висело бежевое пальто, хранящее в своих складках форму ушедшего тела и запах духов «Шалунья», который уже почти выветрился.

Вечер опустился на квартиру мягким, пыльным бархатом, наконец-то вытеснив из углов колючую суету поминок. Гости разошлись, унеся с собой звон ложек и тяжелые вздохи. Осталась только тишина – но теперь она не давила, а укутывала, как старый пуховый платок.

Муж уехал домой, а она решила провести эту ночь в маминой квартире, прибрать бардак, помыть посуду. Ну вот, дела сделаны. Зоя с ногами забралась на диван, устроившись в углу, где в детстве строила «домики» из подушек. В руке грелся sniffтер. Янтарный коньяк лениво плескался на дне, ловя отблески торшера, – густой, теплый, пахнущий дубом и ванилью. Она сделала глоток. Тепло медленно разлилось по груди, разжимая тугий узел, который держал ее в напряжении все эти сорок дней.

На коленях лежал тяжелый бархатный альбом. Страницы, проложенные папиросной бумагой, шуршали, как осенние листья. Зоя перелистнула еще одну. С черно-белого снимка на нее смотрела маленькая девочка с огромным бантом на макушке и серьезными, как у совенка, глазами. Зоя улыбнулась, провела пальцем по глянцевої бумаге, касаясь своего

детского лица.

И вдруг, словно из глубины этого снимка, всплыло воспоминание. Такое яркое, живое, что она даже зажмурилась.

***

Детский сад. Старшая группа.

Запах манной каши и нагретого солнцем линолеума.

Утром она подсмотрела, как папа попрощался с мамой в коридоре. Он обнял ее крепко-крепко, приподнял над полом и поцеловал – жадно, долго, так, что у мамы сбилось дыхание. Это было так красиво, так по-взрослому, так... по-настоящему. В этом поцелуе была тайна, которую Зое отчаянно захотелось разгадать.

Вадик Соловеец. Самый сильный, самый красивый мальчик в группе, с вечно сбитыми коленками и машинкой в кармане шорт. Он был ее рыцарем. Он всегда ждал, пока за ней придет мама, стоял у шкафчика, переминаясь с ноги на ногу, и никогда не уходил на прогулку без нее.

Тихий час закончился. Они стояли в раздевалке, натягивая сандалии. Вадик рассказывал ей о новой игрушке, смеш-

но хмуря выгоревшие на солнце брови. А Зоя смотрела на него и чувствовала, как сердце колотится где-то в горле. Ей казалось, что если она сейчас этого не сделает, то лопнет от переполнявшей ее нежности.

Она шагнула к нему, схватила за плечи и впилась маленьким алым ротиком в его рот. Ей казалось, что она сделала все правильно. Но его взгляд ее испугал – он был не гневный, не смешливый, а... растерянный, испуганный, как у пойманного птенца. Вадик вытер рот тыльной стороной ладони, развернулся и ушел, не сказав ни слова.

Ей было обидно до слез. Она так старалась, а он оттолкнул ее. За эту сцену ей было стыдно годы. Стыд жег щеки всякий раз, когда она случайно вспоминала его лицо в тот момент.

***

Она сидела на диване и грустно улыбалась, вспоминая эту давнюю историю. Теперь это казалось ей не преступлением, а чем-то трогательным, невинным, пронизанным детской верой в то, что любовь – это просто, и она живет в каждом поцелуе.

Интересно, где он сейчас? С кем? Столько времени прошло. Если с институтскими друзьями и одноклассниками

она где-то да созванивалась, то с детсадовскими пути разошлись и разбежались. Скорее всего это у многих так и есть. Если только ты не дружишь с пеленок и не живешь до сих пор в одном дворе.

Зоя закрыла альбом и взялась за телефон. Сначала она просто листала социальные сети, не имея четкого плана. Но потом набрала его имя в поисковой строке. И вот – он. Вадим Соловеец. Старше, конечно, но узнаваемый. На фото – он с женщиной и маленькой дочкой, лет четырех. Дочка смотрит на папу с обожанием, и Зоя вдруг поняла, что это точно такой же взгляд, который она дарила ему когда-то, в раздевалке детского сада.

Она поставила лайк и закрыла приложение.

Потом налила себе еще коньяка, прижала альбом к груди и долго сидела в полумраке, слушая, как за окном шумит город, как где-то в соседней квартире топают ребенок, как тикают часы на стене.

И она думала о том, что все мы когда-то были маленькими и верили в чудеса, целовали в первый раз с закрытыми глазами и открытым сердцем. И что все эти поцелуи, все эти детские слезы и радости – они не пропадают просто так. Они живут в нас, становятся частью того, кем мы становимся. И

может быть, Вадик, глядя на свою дочку, иногда вспоминает ту девочку с большим бантом и серьезными глазами совенка, которая посмела первой сказать ему о любви так, как только умели говорить дети – без слов, только сердцем.

Вечер углублялся. Торшер тускнел. И Зоя, завернувшись в плед, продолжала листать старый альбом, и на каждой странице теперь она видела не стыд и сожаление, а красоту прожитой жизни, красоту всех тех маленьких моментов, из которых складывается наша история.

4

Александр сидел на высоком барном стуле, осматривался по сторонам. В пальцах он вращал стакан. Янтарная жидкость билась о стекло, как пойманное нечто.

Бармен слушал его уже полтора часа. Слушал молча, профессионально, лишь изредка подливая виски, когда уровень отчаяния в стакане падал слишком низко.

– Знаешь, что тут самое противное?... Я ведь не для себя жилы рву. Машина – это не игрушка, чёрт возьми! Я вожу её, когда ей приспичит. Дочку – на тренировки, в эту грёбаную школу. Это не каприз, это необходимость, понимаешь? А она...

Он глотнул, обжигая горло, и в глазах плеснулась злая, пьяная жалость к самому себе.

– Она даже не спросила «зачем». Не спросила, что сдохло в старой тачке. Она просто бросила: «Поищи подешевле». Ищи подешевле! Как будто я какой-то барыга на рынке, выгадывающий копейки, а не муж, который тащит на хребте всю семью. Скажи мне правду, нет, ну скажи, что я не прав.

Что ты молчишь?...

Игорь медленно протёр стакан полотенцем. Его движения были гипнотическими, успокаивающими – ровно то, что нужно человеку, стоящему на краю истерики.

– Я расскажу тебе историю, – наконец произнес бармен. – Не мою. Я годами смотрю на таких, как ты, сидящих на этом самом стуле. И знаешь, что я вижу?

Александр поднял на него мутный взгляд.

– Когда человеку не аплодируют, он начинает вести бухгалтерию. Он сваливает все свои жертвы в одну кучу. Потраченное время, нервы, деньги. И думает: «Смотрите, какой огромный курган я насыпал! Падайте ниц!» А потом искренне не понимает, почему вместо благодарности получает удивление. Почему ему не целуют руки и не дарят машины за верность.

– Да! Именно так! – выкрикнул Александр, ударив ладонью по стойке.

– Заткнись и слушай, – властно оборвал его Игорь. – Твоя жена... Зоя, да? Она тоже ведет счет. Но у неё другая валюта. Она не считает твои премии. Она считает минуты, когда

ты был с ней по-настоящему. Когда ты смотрел в её глаза и видел женщину, а не проблему, которую можно заткнуть пачкой купюр.

Александр открыл рот, чтобы огрызнуться, но слова застряли в горле.

– Знаешь, почему она сказала «подешевле»? – Игорь наклонился ближе, и его взгляд стал невыносимым. – Не потому, что она не ценит твой труд. А потому, что она в ужасе.

– В ужасе? – эхом отозвался Александр. Любопытство пробилось сквозь пьяную обиду.

Игорь со стуком поставил стакан на стойку.

– Она боится, что ты любишь это железо больше, чем её. Что ты готов спустить все деньги на кожу и хром, но не найдешь и часа, чтобы просто сесть рядом и спросить: «Как ты? Что случилось на работе?». Машина для неё – это просто транспорт. А для тебя – идол. Ты уходишь в гараж, в салон, к черту на рога «чинить ласточку», а она остается одна в пустом доме. Ждет. А когда ты возвращаешься – ты снова смотришь сквозь неё.

Александр молчал. Желваки на его скулах ходили ходу-

ном, перемалывая правду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.